

ЛИНКО
В
БАРДО
АН

*Кейтлин и Алине
посвящается*

Часть первая

I

В день нашей свадьбы мне было сорок шесть, а ей восемнадцать. Я уже знаю, что вы думаете: пожилой мужчина (с брюшком, лысоватый, хромой на одну ногу, с деревянными зубами) применяет мужскую власть, умерщвляя таким образом несчастную молодость...

Но это неправда.

Понимаете, это именно то, против чего я возражаю.

В нашу первую брачную ночь я прохромал вверх по лестнице с лицом, покрасневшимся от выпивки и танцев, и увидел, что тетушка нарядила ее в нечто полупрозрачное — шелковый воротничок чуть испархивал в ритм с дрожью, которая ее била. И я ничего не смог.

Я принялся нежно говорить с ней, обнажил перед ней свое сердце. Она была прекрасна, а я стар, уродлив, потерт. Странный это получился брак, корнями он произрастал не из любви, а из расчета. Ее отец был бедняком, мать болела. Поэтому она и оказалась здесь. Я все это прекрасно знал. Я и в мечтах своих не надеялся прикоснуться к ней, сказал я ей, когда увидел ее страх и — «отвращение», вот какое слово я использовал.

Она заверила меня, что никакого «отвращения» ко мне не испытывает, хотя я и видел, что ее (красивое, покрывшееся румянцем) лицо исказилось от этой лжи.

Я предложил ей стать... друзьями. Просто делать вид, будто мы стали мужем и женой в физическом смысле. Она должна чувствовать себя в моем доме свободной и

счастливой и пытаться думать о нем как о своем собственном. Большого я от нее и не жду.

Так мы и жили. Мы стали друзьями. Близкими друзьями. И только. Но и это было немало. Мы вместе смеялись, вместе принимали решения, касающиеся хозяйства, — она научила меня больше думать о слугах, обмениваться с ними не только общими словами. Она оказалась практичной, и под ее руководством мы успешно обновили комнаты, заплатив лишь часть того, что ожидали растратить. Видеть, как она оживляется, когда я вхожу, как наклоняется ко мне, обсуждая хозяйственные вопросы, — все это так радовало меня, что я словами и передать не могу. Я был счастлив, очень счастлив, но теперь нередко ловил себя на том, что бормочу, сам того не желая, что-то похожее на молитву: *Она здесь, все еще здесь*. Словно бурная река пронесла воды сквозь мой дом, в котором теперь стоял запах свежести и возникало ощущение присутствия чего-то роскошного, естественного, захватывающего.

Как-то вечером перед группой собравшихся друзей она по собственному почину стала петь дифирамбы в мой адрес: я, мол, хороший человек, вдумчивый, умный, добрый.

Наши глаза встретились, и я понял: она говорит все это искренне.

На следующий день она оставила записку у меня на столе. Хотя скромность не позволила ей выразить чувства словами или действиями, в записке говорилось, что моя доброта к ней привела к желанному результату: она чувствовала себя счастливой, ей было хорошо в *нашем* доме, и она желала, как было написано, «раздвинуть границы нашего счастья до тех интимных пределов, которые мне до сих пор не знакомы». Она просила меня направить ее

в этом, как я направлял ее «во множестве других аспектов взросления».

Я прочел записку, пришел на ужин и увидел, что она вся горит. Мы обменялись там, прямо перед слугами, откровенными взглядами, удовлетворенные тем, что каким-то образом сумели сотворить для себя из совершенно неподходящих материалов.

Той ночью в ее постели я старался оставаться таким, каким был прежде: нежным, уважительным, почтительным. Между нами почти ничего не было — мы целовались, обнимались, — но представьте, если можете, изобилие этой неожиданной щедрости. Мы ощутили поднимающуюся в нас волну похоти (да, конечно), но опирающуюся на не терпящую суеты крепкую привязанность, которую мы создали: узы доверительности, прочные и искренние. Я не был неопытным человеком — в молодости отдал дань страстям; провел немало времени (хотя мне и стыдно в этом признаваться) на Марбл-элли, в Бэнд-бокс, в ужасном Волчьем логове. Один раз был женат и с пользой для здоровья женат.. но глубина этого чувства была для меня абсолютно внове.

Мы молча согласились на еще большее расширение границ этого «нового континента» следующей ночью, и я отправился в мою типографию утром, борясь с силой гравитации, которая притягивала меня к дому.

И этот день — увы — стал днем падения балки.

Да, да. Представьте себе такое везение!

Когда я сидел за моим рабочим столом, с потолка упала балка, ударив меня прямо по *этому* месту. И потому наш план пришлось отложить до моего выздоровления. По совету моего врача, я слег в...

Некий хворь-ларь считался... считалось, что он ...

ханс воллман

Джордж Сондерс

Целительный.

роджер бевинс iii

Целительный, да. Спасибо, мой друг.

ханс воллман

Всегда рад.

роджер бевинс iii

И вот я лежу в гостиной в моем хворь-ларе, чувствуя себя последним идиотом, лежу в той самой гостиной, по которой мы недавно (радостно, виновато, ее рука в моей) прошли по пути в ее спальню. Потом вернулся врач, и его помощники унесли мой хворь-ларь в его хворь-телегу, и я понял, что... понял, что реализацию нашего плана придется отложить на неопределенное время. Какое разочарование! И когда же я теперь познаю все радости супружеской постели, когда буду созерцать ее обнаженную, когда она посмотрит на меня в известном состоянии с жадным ртом, зардевшимися щеками, когда ее волосы, освобожденные чувственным движением, рассыплются, наконец, покрыв нас?

Что ж, похоже, нам придется дожидаться моего полного выздоровления.

Вот уж воистину досадное недоразумение.

ханс воллман

Однако все тяготы можно вынести.

роджер бевинс iii

Именно так.

Хотя, признаю, я в то время так не считал. В то время на хворь-телеге, но все же не связанный обязательствами, я обнаружил, что на краткое время могу покинуть мой хворь-ларь, и бросился прочь, подняв небольшие облачка пыли, и даже разбил вазу, стоявшую на крыльце. Но моя

жена и тот доктор, с серьезным видом обсуждавшие мою травму, ничего не заметили. Я не мог это вынести. И потому, признаю, дал волю раздражению — разогнал собак, пробежав среди них, вызвав в голове каждой представление о медведе. Тогда я был способен на это! Ах, какие то были денечки! Теперь я не то что не могу вызвать в голове собаки представление о медведе, я и нашего молчаливого молодого друга не могу привести сюда на обед!

(А ведь он кажется молодым, правда, мистер Бевинс? Телосложением? Осанкой?)

Как бы то ни было, я вернулся в свой хворь-ларь, проливая вот так слезы о том, что мы... вы, молодой человек, уже знаете об этом? Когда мы только прибываем в этот больничный двор, молодой сэр, и нам хочется плакать, вот что происходит: мы чуть-чуть напрягаемся, и у нас в суставах возникает легкое нездоровое ощущение, внутри нас взрываются маленькие пузырьки. Иногда мы можем немного обгадиться, если свежие. Именно это я и сделал на телеге в тот день — я от злости обгадился немного в своем хворь-ларе. И какой результат? Какашка так и оставалась со мной все это время и, если уж откровенно (я надеюсь, вам это не покажется грубым, молодой сэр, или отвратительным и, я надеюсь, это не разрушит нашу зарождающуюся дружбу), по-прежнему остается там, в эту самую минуту, в моем хворь-ларе, хотя, надо сказать, уже изрядно подсохла!

Бог мой, вы что — ребенок?

Он ребенок, правда?

ханс воллман

Я тоже теперь так думаю. Вот когда вы спросили.

Вот он идет.

Почти полностью сформировавшийся.

роджер бевинс iii

Джордж Сондерс

Мои извинения. Господи милостивый. Попасть в хворь-ларь еще ребенком и слушать, как взрослый подробно рассказывает о наличии засохших какашек в его хворь-ларе... не идеальный вариант входа в новый... ммм...

Мальчик. Совсем еще мальчик. Боже мой.

Приношу извинения.

ханс воллман

II

— Знаете, — сказала мне миссис Линкольн, — президент каждую зиму должен давать несколько государственных обедов, очень дорогостоящих обедов. Если я устрою три больших приема, то государственные обеды можно вычеркнуть из программы. Если бы я могла убедить мистера Линкольна посмотреть на это моими глазами, то не замедлила бы воплотить эту идею в жизнь.

— Думаю, вы правы, — сказал президент. — Вы убедительно отстаиваете свою точку зрения. Я думаю, мы должны остановиться на приемах.

Вопрос был решен и сделаны приготовления для первого приема.

*Источник: «За кулисами,
или Тридцать лет рабства и четыре
года в Белом доме».
Элизабет Кекли.*

Аболиционисты критиковали увеселительные мероприятия в Белом доме, многие из них не принимали приглашения. Говорилось, что отказ Бена Уэйда¹ был высказан в резких словах: «Знают ли президент и миссис Линкольн, что идет Гражданская война? Если не знают они, то мистер и миссис Уэйд знают и по этой причи-

¹ Бенджамин Франклин Уэйд (1800–1878) — американский политик, один из сенаторов от штата Огайо, во время Гражданской войны критиковал политику Линкольна. — *Здесь и далее примеч. пер.*